— Примите, дружко, за доброе здравие. — Она протянула Петру тонконогую рюмку, налитую мутным невыстоявшимся квасом. Петро разгладил усы, крякнул и выпил. — под общий сдерж. смех

— Ну, свашенька, угостила... Погоди, ягодка моя ежевишная, я тебе не так угощу, ишо наплачешься!..

— Извиняйте, пожалуйста. — Кланялась свашка и дарила Петра тонкой лукавой улыбкой. Жениховой ряднее, согласно уговора, поднесли по три рюмки водки, [Сидевшие за столом родственники и близкие невесты встали очищая место.] Наталью одетую в фату и подвенечное платье стерегли две сестренки: Маришка в вытянутой руке держала скало, Грипа брызгая из черешен глаз вызывающий задор трясла косевкой.

Петро запотевший и развязный от водки с поклоном поднес им в рюмках по полтиннику. Сваха мигнула Маришке и та застучала по столу скалом:

— Мало! не придадим невесту!..

Петро поднес еще раз, на дне рюмок позвенивали уцепоти серебряной мелочи.

— Не отдадим! — Лютовали сестры толкая локтями потупленную Наталью.

— Чево уж там! Итак плочено-переплочено!

— Уступите, девки. — попросил Федор Григорьевич. Он улыбаясь протиснулся к столу, рыжая голова его, приглашенная топленым коровьим маслом пахла потом и навозной горькой прелью.

Петро сунул Григорию в руку конец платка, по петушиному впрыгнул на лавку и повел Григория по-за столом к невесте, сидевшей под образами. Другой конец платка взяла Наталья потной от смущения рукой.

За столом чавками раздирая вареную курятину руками, вытирая руки о волосы. Аникей грыз куриную кабарку и по голой бороде его тек на воротник желтый жир.

Григорий с внутренним сожалением поглядывал на свою и Натальину ложки, связанные платочком, на дымившуюся в обливной чашке лапшу. Ему хотелось есть, неприятно и глухо бурчало в животе.

Дарья угощалась рядом с Платоном Ильичем тот обсуждал ядреными желтыми клыками баранье ребро и, наверное, шептал Дарье не-